

Частный детектив Татьяна Иванова

Марина Серова

Я стою миллионы

«Научная книга»

Серова М. С.

Я стою миллионы / М. С. Серова — «Научная книга»,
— (Частный детектив Татьяна Иванова)

Весенним вечером у своего подъезда убит американский бизнесмен Эрик Горбински, приехавший в родной город Тарасов для заключения выгодной сделки. Смерть иностранца, к тому же «стоящего» не один миллион долларов, всколыхнула местные деловые круги. Она может быть выгодна его компаньонам по операциям с недвижимостью, конкурентам и даже наследникам. Отец погибшего, которому, кстати, тоже могло быть на руку убийство сына, поручает расследование частному детективу Татьяне Ивановой. И неспроста. Ведь она и Эрик любили друг друга...

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	13
Глава 3	23
Конец ознакомительного фрагмента.	24

Марина Серова

Я стою миллионы

Глава 1

Тарасов

17 мая

9 час 30 мин

– Как это случилось? – спросила я Сан Саныча, державшего в руке рюмку с коньяком, уже четвертую или пятую за те полчаса, что я сидела в большом мягком кресле в его дорого и со вкусом обставленной квартире.

Сан Саныч был врачом, что называется, «от бога», имел обширную практику, и я иногда пользовалась его услугами, когда, после особо жестоких потасовок – а в жизни частного сыщика такое случается, – мне была необходима врачебная помощь.

Но сейчас причина моего визита к Сан Санычу была совершенно иной – я приехала по его просьбе.

Примерно год назад я познакомилась с его племянником Эриком Горбински – русским американцем, отец которого, Джон Горбински, урожденный Иван Александрович Горбунов, давным-давно жил в Америке, в Нью-Йорке, и вел вместе с сыном весьма доходный бизнес, связанный с торговлей недвижимостью.

– Он приехал вчера днем. – Сан Саныч, сидя в кресле напротив, глядел сквозь пустую рюмку на просвет. – Кому-то недолго звонил, мы перекусили, поболтали о том о сем, а к вечеру он собрался куда-то идти. Примерно через полчаса после его ухода раздался звонок в дверь, я подумал, Эрик вернулся, может, забыл что-нибудь, но это был сосед с первого этажа. Я даже не знаю, как его зовут...

Сан Саныч поставил рюмку на невысокий столик с инкрустацией, сервированный на скорую руку холодными закусками, плеснул в наши рюмки коньяку Кизлярского завода и продолжал:

– Он промышчал что-то нечленораздельное, но я понял, что сосед хочет, чтобы я пошел с ним. Мы спустились на первый этаж, вышли из подъезда... Эрик лежал прямо у крыльца, лицом вниз, ногами к двери, руки раскинуты в стороны. В затылке небольшое такое отверстие от пули, я уж потом подумал, что это было скорее всего отверстие от второго выстрела, первое, в спине, не сразу заметил. Я тут же понял, что он мертв, но, чтобы убедиться, проверил все-таки пульс. Потом увидел пистолет, он валялся метрах в трех от крыльца... – Сан Саныч с какой-то горькой отрешенностью уставился на свой коньяк, поморщился, точно испытывал безотчетное чувство вины, и после минутной паузы продолжил: – Ты себе представить не можешь, что я ощутил... ужас, боль, отчаяние... Я стоял как громом пораженный, в глазах – черные круги, хотя и повидал порядочно смертей на своем веку! – В глазах Сан Саныча стояли слезы. – Тридцать лет – еще жить да жить!

Я пребывала в такой глубокой прострации, что о чувствах Сан Саныча, как мне казалось, в эту минуту могла судить вернее, чем о своих собственных.

Острую боль, пронзившую меня сначала, уже размывали волны воспоминаний. Если бы не эта внезапная смерть, которую я никак не могла сопоставить объективно с действительностью, привязать ее к этой набухающей почками весне, эти воспоминания, возможно, не были столь горькими, противоречивыми, всполошенными, как стая испуганных птиц.

Мое недавнее прошлое, то самое, неотъемлемую часть которого составлял Эрик, было грубо выдернуто из плавного потока времени. Оно предстало передо мной не в силу понятной

ностальгии – которой непроизвольно предаешься, когда память, пренебрегая пространством и временем, разделяющими тебя с любимым человеком, возрождает его образ, – а было спровоцировано во всей своей необратимой остроте таким трагичным и абсурдным событием, как смерть.

– Может, вы не знали об этом, но я тоже любила его, – выдавила я из себя, преграждая этой не такой уж своевременной репликой дорогу закипающему в гортани всхлипу.

– Знаю... – Сан Саныч проникновенно посмотрел на меня и, смахнув слезу, подошел к окну.

На секунду он задумался, осторожно покачивая рюмкой, в которой тихо плескалась густая жидкость цвета янтаря и каштана.

– Судя по вашему рассказу, Эрика кто-то «заказал», – не давая себе погрузиться в пучину болезненных переживаний, перевела я разговор в профессиональное русло. – У него были враги?

– Наверное, но мне ничего не известно об этом, мой племянник был довольно замкнутым человеком, весь в отца. – Сан Саныч пожевал губами и покачал головой. – О том, что он любил тебя, я догадался, лишь когда увидел у него твою фотографию.

Я сочувственно взглянула на Сан Саныча.

– Я тоже не много знала о нем, хотя в первый же вечер почувствовала к нему симпатию, если не сказать большего...

Сан Саныч снова сел в кресло и поставил порожнюю рюмку на столик.

– Милиция что говорит? – спросила я и поморщилась, сбитая с толку собственной способностью глядеть на все как бы со стороны.

– Они почти полночи провели здесь – он ведь гражданин США, народу было тьма: и менты, и прокуратура, большие начальники. Да что они могут сказать, – с горечью произнес Сан Саныч, в сердцах резанув воздух рукой, – «будем держать вас в курсе», – гнусаво передразнил он чей-то голос.

Сан Саныч наполнил пустые рюмки и, сделав глоток, потянулся к тарелке с колбасой, взял ломтик прямо рукой.

– Со вчерашнего дня ничего не ел, ты тоже закусывай, а то последние силы растеряем, – невесело пошутил он.

Я последовала его совету и, положив в рот дольку лимона, сделала себе бутерброд с ветчиной.

– Родственники приедут?

– Я звонил вчера Ивану, сегодня после обеда он уже будет в Тарасове, разница во времени, понимаешь...

Конечно, я понимала. Разница во времени, горе отца, неутешительные объятия безутешных братьев, вопросы, ответы, безрадостные хлопоты, тупая возня, отправка тела, похороны...

– Сан Саныч, насколько я понимаю, – продолжила я, – вы пригласили меня не только для того, чтобы я выказала вам свое соболезнование и сочувствие.

– Я не уверен, что менты найдут убийцу, – скороговоркой выпалил Сан Саныч, точно все это время готовился попросить меня об услуге и не находил подходящего момента, – убийство заказное, это может сказать даже непрофессионал: контрольный выстрел в голову, оружие на месте преступления – все говорит об этом. А сколько у нас заказных убийств раскрывается? Ноль целых хрен десятых, – едко добавил он.

– Не могу не согласиться. Я и сама хотела предложить свои услуги, Эрик для меня не чужой человек, хотя и не давал о себе знать несколько месяцев. Как бы там ни было, я благодарна ему за время, проведенное с ним.

– Значит, берешься? – Сан Саныч поднял на меня вопросительный взгляд.

– Безусловно.

– Конечно, мы с Иваном оплатим твои услуги.

– Даже и не думайте об этом, я просто обязана помочь вам.

– Мы еще обсудим это с Иваном. – Сан Саныч опустил глаза, словно произнесенная им фраза вернула его к еще не пережитой до конца трагедии.

– Вы сказали, что ваш брат приезжает сегодня? – задумчиво протянула я. – Мне необходимо встретиться с ним.

– Конечно, конечно. – Сан Саныч понимающе взглянул на меня.

– Учитывая ситуацию, не буду настаивать на немедленной встрече, ведь вам с братом наверняка нужно побыть вдвоем.

Сан Саныч, очевидно, тронутый моей деликатностью, благодарно посмотрел на меня.

– Тогда как мы договоримся?

– Приезжай часикам к восьми, поужинаем вместе, там и поговорим.

Сан Саныч предложил допить коньяк и, не дожидаясь ответа, разлил остатки по рюмкам. Мы выпили, не чокаясь, по русскому обычаю поминая Эрика.

– Значит, договорились, я подъеду к восьми, а пока съезжу к Эрику.

Едва я оказалась на лестничной площадке, смысл происходящего снова обрушился на меня лавиной ужаса и растерянности. Сомнамбулой я подошла к лифту, дрожащей рукой нащупала кнопку и невидящим взглядом уставилась в пол. Слабо покачиваясь, шелестя резиной, лифт, подобно катафалку, медленно опускал меня. Дно шахты показалось сейчас той черной свежевырытой ямой, куда в скором времени опустят гроб с телом Эрика.

И тем не менее Эрик, живой, слегка смущенный нашей близостью в этой движущейся коробке, Эрик, с которым мне предстояло еще разделить, может быть, самые счастливые часы моей жизни, был со мной, той, что спускалась теперь навстречу непрожитой им весне.

Теплый майский воздух, напоенный густым ароматом сирени и молодой листвы, чья клейкая зелень еще не успела запылиться, окутал меня своей нежной душистой пеленой.

Солнце еще не добралось до зенита, но его ласковые лучи горячей позолотой ложились на изумрудные шапки крон, сухой наждак асфальта и не успевшую еще загореть кожу лица, шеи и рук.

Я тормознула желтую «Волгу» с гребешком и, назвав адрес, сжалась на заднем сиденье.

* * *

Молодой парень в бледно-голубой медицинской рубашке подвел меня к одному из столов, на которых, покрытые простынями, лежали тела, навсегда покинутые бессмертными душами.

Откинув край простыни, он отошел, оставив меня наедине с Эриком. Пуля, войдя в затылок, вышла через правую сторону лица, обезобразив ее до неузнаваемости, оставив левую нетронутой. Но если бы даже на месте его лица зияла сплошная черная дыра, по чуть потемневшим золотистым прядям я бы безошибочно узнала его.

В промозглой тишине подвала, обращаясь не то к себе, не то к Эрику, я отчетливо шепотом произнесла:

«Я отомщу за тебя, чего бы мне это ни стоило».

Подавила усилием воли подкатившее рыдание и, зажав эмоции в кулак, пошла прочь.

* * *

Тарасов

17 мая

20 час 00 мин

Остаток дня до встречи с отцом Эрика я провела дома, на диване, с мокрым полотенцем, свернутым повязкой на разгоряченном лбу.

В семь вечера стала приводить себя в порядок, а в восемь уже звонила в дверь квартиры Сан Саныча.

Он не замедлил открыть и пригласил меня войти. В гостиной, за тем же самым овальным столом, за которым я в первый раз увидела Эрика, сидел седоватый, лохотеный, одетый в дорогой темный костюм мужчина средних лет. Он держался прямо, был подтянут, на его красивом, усталом лице, покрытом немногочисленными морщинами, я увидела то же выражение сосредоточенного внимания и самообладания, которое было так характерно для Эрика.

И когда он поднял на меня взгляд своих голубых пронизательных глаз, у меня дрогнуло сердце, так был похож он на своего сына.

Он провел пальцами правой руки по своим густым и светлым, тронутым сединой волосам и поднялся как бы мне навстречу, вымучивая вежливую улыбку.

– Знакомьтесь, Татьяна Иванова, Иван, или Джон Горбински, – представил нас друг другу Сан Саныч.

– Очень приятно. – Я приблизилась к столу и протянула руку. Джон любезно пожал ее.

Я села на стул, предупредительно подвинутый Сан Санычем, и, обращаясь к Горбински, произнесла:

– Поверьте, мне очень жаль. Примите мои соболезнования.

– Он был хорошим сыном. – Горбински держал себя в руках, но по его слегка дрожащим губам я поняла, как трудно ему это дается.

Сан Саныч достал из бара початую бутылку виски и разлил по стаканам.

– Ну, – он поднял стакан, – светлая память.

Мы выпили. Сан Саныч, сославшись на томившееся в печке жаркое, пошел на кухню.

– Вы тут поговорите пока, а я займусь ужином, – бросил он на ходу.

– Что вы хотели узнать? – Горбински в упор посмотрел на меня.

Я заметила, что глаза у него все же чуть светлее, чем у Эрика.

– Как можно больше. Меня интересует все, что связано с вашей совместной коммерческой деятельностью и его личной жизнью, – по-деловому начала я.

Он немного потупился, выдержал небольшую паузу и, не спеша закурив, с заметным акцентом ответил:

– Даже не знаю, с чего начать.

– Могу вам сказать, мне известно только то, что Эрик занимался недвижимостью и имел деловых партнеров в России. Расскажите об этом поподробнее. С кем вы вели здесь дела?

– Ну, во-первых, мы вели дела не только в России, но и в странах Западной Европы и, конечно, в Америке. Что касается Тарасова, одним из деловых партнеров Эрика был Александр Владимирович Дроздов.

– Не он ли генеральный директор «Тарасовгазпромсервиса»?

– Именно он. Иногда с Эриком приезжал наш партнер Авраам Бронштейн, он его знает лучше нас, он нас, собственно, и познакомил. Дроздов интересовался недвижимостью в Европе, покупал для себя лично, последней его покупкой была небольшая вилла в Испании, недалеко от Барселоны.

– Сколько он за нее заплатил?

– Около трехсот тысяч.

– Долларов?

– Да, конечно. – Горбински затушил сигарету и указательным пальцем правой руки потер подбородок.

– Скажите, Джон, – я слегка замялась, подбирая слова, – у вас был легальный бизнес?

– По документам все чисто, но иногда, в тех случаях, когда партнеры надежные, мы не указывали всю сумму в контракте и какую-то часть получали наличными, как говорят у вас, «черным налом». – Горбински замолчал, ожидая следующего вопроса.

– А с Дроздовым вы тоже проводили такие операции?

– Да, и с Дроздовым.

– С кем-нибудь еще в Тарасове вы имели партнерские отношения?

– Сейчас у нас здесь около дюжины потенциальных клиентов, но дальше переговоров дела пока не идут.

Я достала пачку «Кэмэла», Горбински предупредительно щелкнул зажигалкой.

– Благодарю, – с улыбкой кивнула я ему.

Он тоже улыбнулся в ответ.

Сан Саныч громыхал посудой на кухне и вскоре появился в гостиной, неся на блюде свое произведение. Аромат, исходивший от тушеного мяса с овощами, был изумительным, и Сан Саныч, конечно, лукавил, говоря:

– Ну, давайте перекусим, у меня все скромно, по-холостяцки.

Он совсем не был похож на своего брата: невысокого роста, плотный, коренастый, русский такой мужичок. Глубокие залысины выдавали его недюжинный ум, а короткие, казалось, неуклюжие пальцы творили чудеса как на хирургическом, так и на кухонном столе.

За ужином говорили о погоде, немного о политике, запивая все это красным вином.

Я помогла Сан Санычу убрать посуду и приготовить кофе. После этого мы с Горбински закурили, устроившись в креслах у инкрустированного столика, а хозяин сел на диване чуть поодаль.

– Джон, – продолжила я прерванный ужином разговор, – а кто из ваших друзей помогает вам в Европе?

– Если мы по каким-то причинам не можем вести дела лично, то все предварительные переговоры во Франции, Голландии и Испании ведет Фридрих Штерм, он немец, живет в Амстердаме. – Горбински положил дымящуюся сигарету в пепельницу и отхлебнул кофе.

– В Америке, кроме Бронштейна, у вас есть помощники?

– Да, Джеймс Голдсмит. Если Бронштейн занимался делами в Нью-Йорке, то Голдсмит контролировал наши операции в Лос-Анджелесе. Кстати, Голдсмит был другом Эрика, они часто встречались помимо работы.

– Бронштейн, Голдсмит и Штерм знакомы друг с другом?

– Да, мы иногда собираемся все вместе, чтобы обсудить наши планы, решить какие-то проблемы. Обычно это бывает во Франции.

– Вы занимаетесь только недвижимостью? – Я затушила сигарету. – Я имею в виду, это ваш единственный источник дохода?

– Как вам сказать... – Горбински замялся и посмотрел на Сан Саныча, который пожал плечами. – Не совсем так, то есть, я хочу сказать, есть еще один источник.

– И какой же? – Я заинтересованно посмотрела на Горбински.

– Картины, антиквариат... Но это не входит в сферу деятельности нашей фирмы.

– Это могло послужить поводом для убийства? И вообще, кому могла быть выгодна смерть Эрика?

Горбински задумался.

– Интересный вопрос... – Он немного помолчал. – Могла быть выгодна мне и Бронштейну – он совладелец нашего предприятия. Недаром в последнее время Эрик любил повторять: «Я стою миллионы». Родных, кроме меня, у него нет, его мать погибла в автокатастрофе шесть лет назад.

– Скажите, Эрик не был женат?

– Около года назад он приехал ко мне с девушкой. Звали ее Наташа Сердюкова. Эрик познакомился с ней во Франции, в какой-то галерее, она из России, интересовалась картинами. Она сразу мне чем-то не понравилась, и, когда Эрик сказал, что хочет жениться на ней, я высказал ему свое мнение. Больше этот вопрос мы не поднимали. Они уехали через неделю, и после я ее не видел. – Горбински закурил новую сигарету и откинулся на спинку кресла, положив ногу на ногу. – Я вообще-то мало интересовался его личной жизнью.

– Вы можете назвать еще кого-либо из друзей Эрика?

– Ридли Торнтон. Это, пожалуй, самый близкий его друг, хотя у Эрика был роман с его женой, но это было еще до того, как Бриджит и Ридли поженились.

– Чем он занимается?

– Вы имеете в виду Торнтон?

– Да.

– Он – владелец одной солидной картинной галереи в Нью-Йорке. У Эрика были с ним дела. Я знаю, что именно Торнтон ввел моего сына в так называемый артистический круг, помог наладить связи, завести полезные знакомства, вы понимаете? – Джон вопросительно взглянул на меня и, отведя глаза немного в сторону, продолжил: – Они задействовали некоторых российских художников, да и в Тарасове, по-моему, кто-то был, с кем они организовали картинный бизнес. Кто конкретно, не скажу, но знаю, что такие люди есть.

– Вы не могли бы поточнее описать характер их деятельности? – Я подалась немного вперед и, поставив локти на колени, оперлась подбородком на сцепленные пальцы рук. – Это было сотрудничество между галереями, артелями художников, отдельными их представителями, частными лицами или, скажем, вывоз картин?

– Ничего конкретного сказать не могу, я не интересовался этой сферой деятельности моего сына, может быть, зря... – с тоскливой неуверенностью протянул Джон.

– Может быть...

Тут встрял Сан Саныч:

– По-моему, пора выпить, как вы считаете?

Джон устало перевел глаза на Сан Саныча и невесело усмехнулся:

– Плесни чего-нибудь, ты ведь не отвяжешься.

Я подождала, пока Сан Саныч не спеша поднялся, подошел к бару и, снова достав бутылку виски и стаканы, наполнил их.

– Я не разбавляю. Если хотите, принесу минералки.

Отказавшись от минералки, мы с Джоном продолжили диалог.

– Вне всякого сомнения, вы знаете адвоката Эрика, или он у вас был один?

– Нет, у него был свой адвокат, Барли Кеннет. Его контора находится в Нью-Йорке на Манхэттене. Угол Кросби и Брум-стрит.

– А вы не в курсе, у Эрика есть завещание?

– Конечно, есть, но я еще не успел с ним ознакомиться, все случилось так неожиданно. – Голос Джона дрогнул, он сделал большой глоток виски и, поморщившись, поставил стакан на стол.

– Эрик был вашим единственным наследником?

– Единственным, – лаконично ответил Горбински и закурил.

– Вы долго пробудете в Тарасове? – спросила, подводя черту нашему затянувшемуся разговору.

– Все зависит от того, как управлюсь с делами. Думаю, дня два-три.

– Если у меня появятся еще какие-то вопросы, я свяжусь с вами, а сейчас позвольте попрощаться. – Я поднялась с кресла.

Сан Саныч, зная, что я не боюсь ходить одна по вечерам и при необходимости могу за себя постоять, все же спросил из вежливости:

– Таня, может, я провожу тебя?

– Спасибо, Саныч, я сама, здесь пять минут езды, я возьму машину.

– Ладно, – согласился Саныч, – ты взрослая девочка, знаешь, что делаешь.

Машину ловить я не стала, решив, что прогулка по ночным, дышащим весенней прохладой улицам поможет мне предварительно проанализировать факты, полученные из разговора с Горбински.

При первичном рассмотрении, ситуация выглядела так: нью-йоркская фирма Джона и Эрика Горбински занималась куплей-продажей недвижимости в Америке, Европе и России, имела филиалы в Лос-Анджелесе, Амстердаме и Париже. Совладельцем фирмы был некий Авраам Бронштейн, так же, как и отец с сыном, выходец из России.

В филиалах фирма держит своих агентов: в Европе – Фридриха Штерма, в Америке – Бронштейна и Голдсмита. Бронштейн с младшим Горбински к тому же контролировали бизнес в России.

Кроме всего прочего, Эрик приторговывал картинами и антиквариатом, в этом бизнесе его партнером был Ридли Торнтон, владелец картинной галереи в Нью-Йорке, жена которого когда-то была подругой Эрика.

В России Эрик и Бронштейн вели дела с Дроздовым, генеральным директором «Тарасовгазпромсервиса», с которым познакомил Эрика Бронштейн.

Дроздов покупает недвижимость за границей и часть ее стоимости оплачивает наличкой, уходя от налогообложения.

Джон Горбински практически не интересовался деятельностью Эрика в сфере картинного бизнеса, и кроме того, что свои дела Эрик вел с Ридли Торнтоном, он ничего определенного сказать не может.

Анализируя исходные данные и задаваясь старым как мир вопросом: кому выгодно убийство, я была склонна сделать предположение, что в смерти Эрика могли быть заинтересованы все названные господа. Чтобы сделать определенные выводы, придется прозондировать всех, начиная с Дроздова, потому что он обитает в Тарасове.

Я шла по пустынным тротуарам, навстречу мне время от времени попадались влюбленные парочки, которые боязливо жались по углам, обтирая спинами пыльные стены, кое-где весьма густо покрытые непристойными граффити.

Весна, что называется, ударяла по мозгам не хуже «Советского шампанского». Может, и не шампанское ударило в голову шедшему прямо на меня довольно высокому и плечистому парню в турецком джемпере и тренировочных штанах с лампасами, но он приблизился ко мне вплотную, обдав прогоркло-кислым жаром своего дыхания, и, несвоевременно икнув, без всякого стеснения, с бесцеремонной фамильярностью громко предложил:

– Красавица, бухнуть со мной не хочешь?

Я, занятая своими мыслями, просто слегка отстранила его, освобождая дорогу, в глубине души надеясь, что он тут же забудет о своем предложении и проследует мимо, но он поймал мою руку и с силой притянул к себе.

– Пойдем, бабки есть, че ты дергаешься?

У меня было не боевое настроение, после всего пережитого за сегодняшний день я чувствовала себя подавленной и уставшей, хотя мои размышления, не буду этого отрицать, несколько взбодрили меня. Я не хотела делать ему больно, даже не выделяла его на общем серо-черном фоне сумерек и стен, но...

Его наглая настойчивость в последний момент вывела меня из себя, плантажным плутом взрыхлив целину моего «олимпийского» спокойствия.

– Пошел вон, убудок. – Я еще раз попыталась оттолкнуть его.

Но он с такой силой вцепился в рукав моего пиджака, что выбора у меня не осталось. Я не без труда разжала его пальцы и, ухватившись за средний и указательный, развернула его

ладонь вверх. После этого мне осталось только приподнять его руку чуть выше головы, беря пальцы на излом. Он приподнялся на цыпочки, пытаясь уменьшить причиняемую ему боль, и взвыл, как сирена.

Когда он прекратил орать, я, передразнивая его, наигранно-сюсюкающим тоном спросила:

– Че ты дергаешься, пойдём побухаем, или передумал?

Он вылупил свои пьяные зенки и с плаксивостью в голосе протянул:

– Больно же, блин!

– А ты как думал! Вали отсюда, если не хочешь остаться без руки, – угрожающе посоветовала я и пренебрежительно оттолкнула его.

Встряхивая кистью и потирая пальцы, он быстро, насколько позволяло ему хмельное его состояние, пошел прочь.

Глава 2

Тарасов

18 мая

00 час 35 мин

Я долго не могла уснуть, беспрестанно ворочаясь в кровати. Мой взбаламученный мозг напоминал центрифугу, в которой вращались отдельные мысли, догадки, предположения. Иногда мои бестолковые мыслительные усилия захлестывала волна бесполезно-горестных воспоминаний, переживаний и сожалений.

Я не помню, как уснула, обессилив от этого лихорадочного кружения и борьбы.

* * *

На следующее утро, приняв душ и перекусив, я устроилась в кресле рядом с телефоном. Разыскав в телефонном справочнике «Тарасовгазпромсервис», набрала номер генерального директора. Приятный женский голос заученно произнес:

– Доброе утро, «Тарасовгазпромсервис».

– Здравствуйте, я бы хотела услышать Александра Владимировича.

– Представьтесь, пожалуйста, – безучастно попросил голос.

– Моя фамилия Иванова, но Александр Владимирович, боюсь, меня не знает.

– По какому вопросу? – так же равнодушно поинтересовались на том конце провода.

– По важному, очень срочно! – Я постаралась произнести это как можно убедительнее.

– Минуточку, я узнаю. – Трубка замолчала.

Вскоре я услышала:

– Александр Владимирович занят, попробуйте перезвонить после обеда.

– Девушка, – не теряла я надежды, – скажите, что это по поводу Эрика Горбински, пусть Александр Владимирович скажет, когда он сможет меня принять.

– Повторите фамилию, пожалуйста, – в ее голосе появились нотки заинтересованности.

– Э-рик Гор-бин-ски, – произнесла я по слогам.

– Минуточку. – Трубка вновь замолчала.

– Слушаю, – раздался через мгновение бодрый мужской голос.

– Доброе утро, Александр Владимирович, я бы хотела с вами встретиться.

– Какое вы имеете отношение к Эрику Горбински? – властно спросил Дроздов.

– Я расследую его убийство, – жестко ответила я.

– Убийство?! – ошарашенно спросил мой абонент и осекся.

Или он очень хороший актер, или действительно ничего не знает.

– Вы еще не знаете? Его убили позавчера вечером, когда он выходил из дома.

– Вы из милиции?

– Слава богу, нет, – заверила я Дроздова, – я частный детектив и к тому же друг Эрика.

– Я жду вас через час, – коротко, по-деловому, почти приказал Дроздов, – адрес знаете?

– Да. Буду через час.

– Внизу оставят пропуск на ваше имя.

– Спасибо, – поблагодарила я и положила трубку.

Значит, Дроздов не знает... Ладно, увидим на месте, иногда достаточно бывает одного беглого взгляда в глаза, чтобы обнаружить, врет ваш собеседник или говорит правду.

* * *

Тарасов

18 мая

10 час 10 мин

Офис объединения «Тарасовгазпромсервис» занимал шестой и седьмой этажи одной из тарасовских высоток. Она носила краткое и романтическое название по имени одной из фирм, когда-то располагавшейся под ее крышей, а потом канувшей в Лету, как и множество других. Фирмы не было, а название сохранилось – «Бриг». Я припарковала мою бежевую «девятку» с тонированными стеклами на боковой улочке, прилегавшей к зданию «Брига». Хлопнув дверцей, направилась к входу, с удовольствием ощущая на своем лице легкое дуновение теплого майского ветерка.

Солнце, золотой медалью приколотое к голубой рубахе безоблачного утреннего неба, со все более настойчивой лаской ощупывало крыши домов, трепещущую молодую листву, стекая по стволам и ветвям на серые плиты тротуаров, пылящихся под торопливыми шагами спешащих по своим делам прохожих.

Получив на проходной обещанный пропуск и миновав охранника в камуфляже, я поднялась на лифте на седьмой этаж, логично предположив, что генеральный должен располагаться выше своих подчиненных.

Зайдя в приемную, обратилась к секретарше, с которой час назад общалась по телефону:

– Меня ждет Александр Владимирович.

Статная шатенка с пышным бюстом, одетая по форме – белый верх, темный низ, – оторвала взгляд от монитора, стоявшего перед ней, и произнесла заученное:

– Представьтесь, пожалуйста.

– Иванова, – коротко назвалась я, удивляясь ее казенным манерам.

– Подождите минуточку, я доложу. – Она чиркнула шпильками «лодочек» по ковролину и исчезла за массивной полированной дверью.

Я обвела взглядом приемную: несколько человек, ожидавших аудиенции, уныло прозябали на кожаных сиденьях стульев, чьи металлические ножки беспощадно буравили мягкое напольное покрытие.

– Проходите, пожалуйста, Александр Владимирович ждет вас, – скороговоркой произнес пышногрудый робот.

Оставляя позади себя удивленных посетителей, я продефилировала в кабинет генерального директора.

За столом сидел внушительного вида брюнет лет сорока с гладко выбритым лицом и скептически поджатыми губами. Как только я вошла, взгляд его пронизательных карих глаз, оценивающе скользнув по фигуре, замер на моем лице.

– Присаживайтесь. – Ослабив узел галстука, он покрутил шеей в лунке белого воротничка.

– Я бы хотела кое о чем порасспросить вас, если не возражаете.

– Я тоже хотел бы у вас кое-что узнать, – в тон вопросу ответил Дроздов и нахмурил брови.

«Серьезный дяденька», – подумала я, полируя взглядом его озабоченное лицо.

– Тогда начните вы, – уважительно предложила, усаживаясь на стул рядом с его столом.

– Откуда вы знаете Эрика Горбински? – взял Дроздов быка за рога.

– Мы познакомились у его дяди, я пришла к нему на перевязку, он мой доктор.

– Как давно вы его знаете?

– Чуть меньше года.

- Как он погиб? – Александр Владимирович наморщил лоб.
- Он выходил из подъезда, убийца, по всей видимости, ждал его внизу. Один выстрел в спину, второй – контрольный – в голову, – я вытащила из пачки сигарету. – Вы разрешите?
- Я не курю. – Он пододвинул ко мне большую хрустальную пепельницу. – А вы, если хотите – пожалуйста.
- Благодарю. – Я прикурила от зажигалки и подняла на него глаза. – У вас еще есть вопросы?
- Вы действительно не из милиции? – недоверчиво спросил Дроздов.
- Вот, взгляните. – Я протянула ему лицензию.
- Дроздов покрутил заламинированный прямоугольник и вернул его мне.
- Ну, хорошо, что вас интересует?
- Вы знаете Авраама Бронштейна? – начала я.
- Мы учились с ним в политехе.
- Я внимательно наблюдала за Дроздовым.
- Хорошо его знаете? Что он за человек?
- Дроздов немного помолчал, выпятил губы трубочкой.
- Ну... Хм... Я думал, что знаю его неплохо, но сейчас, когда вы спросили меня об этом... Мы учились в параллельных группах, после института работали в разных организациях. Друзьями не были. Через два года я узнал, что он эмигрировал в Израиль, тогда была очередная волна.
- После этого вы с ним встречались?
- Он объявился года три назад, сказал, что живет в Нью-Йорке, пригласил в ресторан, там я и познакомился с Эриком Горбински.
- Дроздов замолчал.
- Они предложили вам купить недвижимость? – Я загасила сигарету.
- Да. Условия показались мне выгодными, и через некоторое время я приобрел себе кое-что.
- Что это было? – попыталась я уточнить.
- Дроздов замялся.
- Александр Владимирович, все, что вы мне скажете, останется между нами, – подбодрила я его, – по роду своей деятельности я умею хранить секреты.
- Хорошо, – решил он, – это был небольшой домик на Средиземноморском побережье.
- Кто подписывал документы за продавца?
- В первый раз Эрик Горбински.
- А в следующий раз?
- В следующий раз Бронштейн приехал один, сказал, что нашел другого, более выгодного партнера, хотя фирма Горбински меня вполне устраивала, но Авраам настоял, и я согласился, мне-то разницы нет, через кого покупать, лишь бы законно.
- Но в договоре вы указывали не всю сумму?
- Вы и это знаете. Да, сейчас все так поступают.
- Но вы понимали, что Бронштейн обманывает Горбински, – напирала я.
- Это их дела, меня они не касаются, – довольно резко ответил Дроздов.
- Но это же говорит и о непорядочности Бронштейна, – возмущенно добавила я.
- Татьяна Александровна... кажется, так вас зовут? – Дроздов, сидевший до этого облокотившись на стол, откинулся на спинку кресла. – Мне импонирует ваше искреннее негодование, но мы же не в детском саду, чтобы воспитывать Бронштейна. – Он снова наклонился к столу и, нажав кнопку, бросил в микрофон: – Мариночка, сделай, пожалуйста, кофе. – Он повернул голову ко мне: – Может, хотите чего-нибудь покрепче?

– Благодарю, я за рулем, кофе будет достаточно. Александр Владимирович, – продолжила я, закулив новую сигарету, – как вы думаете, мог ли Бронштейн из-за этих денежных неурядиц убить Эрика?

– Это, я бы сказал, сложный вопрос, делать какие-либо предположения сейчас рано и не совсем прилично, – уклончиво ответил Дроздов.

– Ну вот, теперь вы заговорили о приличиях! Это уж, согласитесь, довольно странно, если принять во внимание ваш недавний пассаж по поводу того, что нам с вами не пристало перевоспитывать Бронштейна. Значит, некоторые моральные категории все же имеют для вас определенное значение, – наставительно подытожила я и, посмотрев прямо в лицо собеседнику, нервно покусывавшему кончик карандаша, продолжила: – Давайте отбросим церемонии. Вы считаете Бронштейна способным на убийство?

– Откуда мне знать? – упорствовал Дроздов. – Я не слишком хорошо с ним знаком.

– Не лукавьте, Александр Владимирович, у вас в подчинении сотни людей, и вы мне будете говорить, что не разбираетесь в людях!

– Вы же сами сказали, что убийца – профессионал, в таком случае, это не Бронштейн.

– Хорошо, если вы хотите, я сформулирую вопрос по-другому: если бы Эрик узнал, что Бронштейн за его спиной, в ущерб интересам фирмы, проворачивает собственные операции, он бы обрадовался?

Дроздов усмехнулся, размешивая сахар в принесенном Мариночкой кофе. Я сделала первый обжигающий глоток и, осторожно опустив граненую чашечку на блюдце, вся обратилась в слух.

– Конечно, нет.

– А что бы в таком случае мог предпринять Эрик?

– Наверное, попытался бы избавиться от такого партнера.

– В таком случае, как вы полагаете, что бы в свою очередь предпринял Бронштейн, если бы Эрик узнал о его махинациях и захотел расстаться с ним? Суммы-то задействованы были немалые... – Я потушила сигарету и пристально посмотрела на Дроздова.

– Я вам уже сказал, что не часто встречался с Бронштейном, – извивался, как уж на сковородке, Дроздов, – не спорю, в критических ситуациях многие люди сознательно идут на риск или, наоборот, совершенно ошалев, выкидывают всякие фокусы.

– Вы очень наблюдательны, – не удержалась я от иронического комплимента, – и все-таки я поставлю вопрос прямо: мог ли Бронштейн заказать убийство Эрика Горбински?

– Этот разговор ни к чему не приведет, – грустно резюмировал поникший Дроздов, – мы все равно не продвинемся дальше гипотез.

Внезапно дверь в кабинет открылась, и я, непроизвольно обернувшись, увидела на пороге стройную натуральную блондинку лет двадцати пяти, одетую в темно-серый костюм из дорогого габардина. На бледной, прозрачной, как китайский фарфор, коже ее лица, подобно двум василькам, голубели чуть подведенные глаза. Красиво очерченные чувственные губы, слегка тронутые светло-терракотовой помадой, раскрылись, и я услышала:

– Саша, извини, что без предупреждения, ты слышал? – Она пересекла комнату и, практически не обращая на меня внимания, подошла к Дроздову.

Дроздов вскинул на нее вопросительный взгляд.

– Что случилось?

Здесь наконец эта красивая блондинка как будто заметила меня и немного смутилась. Видно, мое присутствие помешало ей сразу ответить на вопрос Александра Владимировича.

Она нагнулась к самому уху Дроздова и вполголоса сказала:

– Эрика убили! По радио передали, представляешь?! Кто бы мог...

– Знаю, – нетерпеливо перебил ее Дроздов, – мы как раз об этом и разговариваем...

Блондинка скосила глаза в мою сторону и перевела непонимающий взгляд на Александра Владимировича.

– Знакомьтесь, Валентина Сердюкова, Татьяна Иванова, – представил он нас друг другу, как бы отвечая этой вежливой фразой на осторожно-недоверчивый взгляд блондинки.

– Очень приятно, – любезно кивнула та.

– Взаимно, – вежливо отозвалась я, – случайно Наталья Сердюкова вам не родственница?

Мой вопрос поверг Сердюкову в легкое замешательство, словно она терялась перед моей осведомленностью. Мало того что я говорила с Дроздовым об Эрике, я еще и делала смелые предположения относительно ее родства с Натальей Сердюковой.

– Сестра-а-а, – протянула она, удивленно округлив темные брови.

– Надо же! – искренне восхитилась я случайному совпадению.

– А почему вы интересуетесь Эриком?

– Татьяна Александровна, – вклинился Дроздов, – частный детектив, она занимается расследованием убийства Эрика, – и, уже обращаясь ко мне, продолжил: – Я прошу меня извинить, но, если у вас ко мне больше нет вопросов... Мне нужно работать.

– Спасибо, что нашли для меня время, – поблагодарила я и, подняв глаза на Сердюкову, предложила: – Может, если вы не торопитесь, посидим где-нибудь в кафе. Мне кажется, нам есть о чем поговорить.

– С удовольствием, никогда не видела живого частного детектива, – улыбнулась Сердюкова и, пожав плечами, с наигранной обидой отвернулась от Дроздова, который уже склонился над бумагами.

Мы уже дошли было до двери, как вдруг Сердюкова, резко обернувшись, как будто о чем-то забыла, почти бегом вернулась к столу и, наклонившись, чмокнула Дроздова в щеку.

Он что-то промычал в ответ и, снисходительно улыбнувшись, опять зарылся в бумаги.

Продефилировав мимо Мариночки и брошенных на произвол судьбы посетителей, мы прошли к лифту и остановились рядом с лысоватым толстяком, уже нажавшим кнопку вызова.

Довольно тесная кабина лифта позволяла мне с близкого расстояния разглядывать Сердюкову. Я послала к чертям вежливо-уклончивые взгляды. Откровенно говоря, мне было наплевать на то, как чувствует себя попутчица под моим заинтересованным взором.

Мои зрачки обегали каждую черточку ее лица, задерживаясь на некоторых особенно примечательных деталях. Вот, например, губы. С такой же ли тщательностью очерчен рот ее сестры? Или брови, так же ли легко порхают они, выражая то удивление, то недоверчивую догадку, то недовольство.

Старое как мир чувство ревности зашевелилось в самых потаенных недрах моего естества с такой силой, что, упреждая его нарастающую мощь, сделав над собой нешуточное усилие, я оторвала глаза от лица Сердюковой и заскользила взглядом по тускло освещенным стенам лифта.

– Откуда вы знаете Эрика? – поинтересовалась Валентина, когда мы вышли из лифта.

Очевидно, она тоже что-то прикидывала в уме во время спуска.

– Мы любили друг друга... – с горьким вызовом ответила я и пошла к машине.

Я физически ощущала на своей спине буравящий взгляд Сердюковой.

– Вы без машины? – обернулась я к ней.

– Я приехала на такси, – быстро проговорила Сердюкова и огляделась по сторонам. Мне показалось, таким образом она пыталась побороть смущение, которое ее заставила испытать моя прямота.

– Садитесь. – Я отперла дверцу машины.

– Может, будем говорить «ты»? – беззаботно предложила Валентина, когда мы уселись.

– Пожалуй, – согласилась я, вырываясь на Чернышевскую.

– Я знаю одно неплохое тихое местечко, где можно пообедать и поговорить, – проявила инициативу Сердюкова, – здесь, недалеко, кафе «Золушка», – уточнила она и, спросив разрешения, закурила.

– Не возражаю, – отозвалась я и искоса взглянула на нее.

Точеный греческий профиль. «Интересно, такой ли аккуратный носик у Натальи Сердюковой?» – продолжила я мысленное самоистязание.

– Что, сравниваешь? – улыбнулась Валентина, сделав очередную затяжку.

– Пока не с чем, – с невеселой усмешкой ответила я, объезжая троллейбус.

– Эрику не повезло с моей сестрой, – без предварительных вступлений начала Сердюкова, – не буду кривить душой, хоть Наталья мне и родная.

– Что ты имеешь в виду? – без всякого ажиотажа поинтересовалась я.

– Я имею в виду как ее характер, так и образ жизни, – как бы размышляла она.

– Что же привлекло в ней Эрика, как ты думаешь?

– Поди пойми этих мужчин, что им нравится. Наверное, внешность играет не последнюю роль, она красивая женщина, – с достоинством произнесла Валентина.

– Ну а что касается характера и образа жизни? – вернулась я к морально-этической проблематике.

– Понимаешь, Наташка – человек довольно незаурядный, с изюминкой, занималась живописью, танцами. Вообще, девка неглупая, смекалистая, живая, но больно уж взбалмошная, капризная, злопамятная. Не любит уступать, привыкла идти напролом, но иногда такое выкинет, чего от нее не ожидаешь. А в Америке она и вовсе испортилась: по ресторанам да по клубам таскается ночи напролет, танцует, вечеринки, как у них это называется, «party», пикники, мужики, выпивка, кокаин... – Она умолкла, словно подавленная нарисованной ей самой картиной.

– Неужели все так серьезно? – задала я довольно глупый вопрос, тормозя у «Золушки».

Мы вышли из машины и направились к входу.

Надо сказать, что в «Золушке» я не была ни разу, поэтому, войдя внутрь и оглядевшись, тут же оценила вкус Валентины.

– Здесь уютно, – приободрилась я и, выбрав столик в глубине зала, направилась к нему.

Подчиняясь профессиональному правилу, села лицом к входной двери. Сердюкова устроилась напротив. Ее движения были раскованны и непринужденны, было видно, что она здесь не впервые. Завидев нас, шустрые официантки засуетились, одна из них устремилась к столику. Рвение обслуживающего персонала объяснялось тем, что посетителей в этот утренний час было немного. Обедать, конечно, рановато, но я подумала, что мой желудок не будет иметь ничего против овощного салата и легкого десерта.

Сердюкова заказала мясное ассорти и чернослив со взбитыми сливками, а я – огурцы со сметаной и бисквитное пирожное. Ну и, конечно, сок, кофе.

– Расскажи мне еще о сестре, как она познакомилась с Эриком? – попросила я, когда официантка, выставив на стол тарелки, вазочку с десертом Сердюковой и коробку сока со стаканами, отошла от нас.

– Они познакомились в Париже, в картинной галерее.

– Она обеспеченный человек?

– Почему ты так решила? – Сердюкова с недоумением посмотрела на меня.

– Далеко не каждый может позволить себе заграничные вояжи.

– У нее был спонсор, как это ни банально звучит, француз. Когда он находился в Тарасове, ему понравились несколько ее работ, которые он не замедлил купить. Ну а потом увлечение ее картинами переросло в другое увлечение... – Сердюкова лукаво посмотрела на меня.

Я ответила ей понимающим взглядом.

– Потом она его бросила. Согласись, не очень благодарный жест, ведь это именно он вывез ее в Париж. – Валентина глубоко вздохнула.

– Ты с ней поддерживаешь отношения?

– Только письменно, ей не до меня, – с грустной улыбкой сказала Сердюкова.

– Ну, хорошо, бросила она француза, встретила Эрика...

– И даже вышла за него замуж, – закончила за меня Валентина.

– Даже так?.. – Я почувствовала в сердце укол ревности, но, быстро справившись с отвратительной, а в данных обстоятельствах просто глупой эмоцией, спросила максимально спокойным голосом: – А ты не могла бы подробнее рассказать о совместной жизни твоей сестры и Эрика?

– Они прожили вместе около года. Не знаю, жили бы они вместе и дальше... Конечно, смерть Эрика подвела черту подо всем... – Ее голос заметно дрогнул. – Но дело даже не в этом. У меня всегда было предчувствие, что они расстанутся, тем более что... – Повисла пауза. – Я была в курсе их семейных неурядиц, – выдохнула она наконец, подобрав слова, и сделала большой глоток сока.

– Ты бывала в Париже? – задала я весьма банальный вопрос.

– Нет, но Наталья писала мне иногда довольно длинные письма.

– А с Эриком ты встречалась?

– У Саши на работе пару раз, один раз в ресторане.

– Сейчас отношения между мужем и женой оформляются брачным контрактом, у них тоже был такой контракт?

– Вот этого я не знаю, но скорее всего он был.

– А Бронштейна ты знаешь?

– Неприятный тип. – Сердюкова пренебрежительно поморщилась и предложила: – Может, выпьем чего-нибудь?

Я отказалась, сославшись на то, что за рулем.

– Я так поняла, что твоя сестра знакома с Бронштейном, это так?

– Да, Бронштейн был чем-то вроде друга семьи.

Достав пудреницу, Сердюкова накрасила губы. Мы расплатились и покинули это вполне респектабельное заведение. Надо будет почаще сюда заглядывать.

Я любезно подбросила Сердюкову до центра и перед тем, как распрощаться, задала еще один весьма не деликатный вопрос:

– Что у тебя за отношения с Дроздовым?

Валентина не смутилась.

– Я с ним сплю – он меня содержит. Все просто.

Да уж, проще не бывает.

* * *

Тарасов

18 мая

15 час 05 мин

– Лев Семенович, скажите мне откровенно, вы ведь не один год знаете меня. Кто заказал Горбински? – без всяких экивоков спросила я.

Лев Семенович Королев был известен в определенных кругах под кличкой Король. Пятидесяти с небольшим лет, высокий, плотный, вечно в помятом костюме, далеко не «haute couture», не из-за скудости средств, а в силу жизненной философии пофигизма, Король, как видный криминальный авторитет, пользовался уважением не только в Тарасове, но и далеко за его пределами.

Когда-то я выручила из беды его дочь, и потому, как мне казалось, могла рассчитывать на его помощь.

– Не знаю, – просопел Король, почесывая лысину и морща свой бульбообразный нос. – Тебе-то это зачем? – с нарочитой бесцеремонностью спросил он.

Мы сидели в кабинете Короля, обставленном стандартной офисной мебелью. Я созвонилась с ним, и он соизволил принять меня. Я никогда до этого не обращалась к нему, он и не предлагал мне своей помощи, но негласные воровские законы как бы обязывали его в знак благодарности за оказанную мной услугу отплатить мне тем же.

– Я должна вам объяснить? – хмуро спросила я.

– Не обязательно, это я так, по-стариковски интересуюсь.

Выглядел он и вправду намного старше своего возраста – тюрьма никого не красит, но, потрафляя ему, я дала волю улыбке.

– Вы еще многим молодым фору дадите, Лев Семеныч!

– Будя льстить мне, девка, – с барской укоризной пожурил Король и замолчал, задумавшись. – Значит, исполнитель тебе не нужен?

– Не то что не нужен, но я понимаю, что своих выдавать вам не резон. Все, что я прошу у вас, это узнать имя заказчика.

– Ладно, попытаюсь. Звякни мне сюда часиков в шесть, – он протянул мне визитку, – тут прямой телефон.

– Благодарю, Лев Семенович. – Откланявшись, я направилась к выходу.

– Рано еще благодарить, – назидательно кинул мне вдогонку Король.

* * *

Тарасов

18 мая

16 час 48 мин

Объехав пару магазинов и рынок, я прикупила кой-чего к ужину. Вообще-то готовила я редко, перекусывая либо дома на скорую руку, либо в городе в кафешках, как я их называю.

Сегодня у меня будет говядина «по-монастырски». Рецепт достался мне по наследству от двоюродного дедушки, не представлял особой сложности в готовке, а результат никогда меня не разочаровывал.

Я поставила на огонь кастрюлю с толстым дном и положила в нее кусок масла. Пока оно разогревалось, нарезала крупными кубиками со стороны примерно шесть на шесть сантиметров мясо и бросила туда же, не забыв посолить.

Лука надо брать ровно столько же, сколько и мяса, лишь тогда получается именно то, что вы задумали. Луковицы я освободила от шелухи, разрежала пополам, высыпала на обжаренное мясо и залила кипятком так, чтобы ни один кусочек не выглядывал из-под воды. После этого мне оставалось плотно закрыть все это крышкой и, убавив огонь до минимального, ждать.

Можно, конечно, добавить минут за пять до готовности лаврушки и специй, но я этого не делала.

Производимые мной на кухне манипуляции не мешали мне, однако, анализировать навалившуюся на меня как снежный ком лавину информации.

Бронштейн, видимо, задним числом понял, что, познакомив Эрика с Дроздовым, он сделал ошибку в том плане, что получаемые неучтенные деньги волей-неволей ему приходится делить и с Эриком, и с Джоном.

На Западе комиссионные за такого рода сделки составляют обычно один-два процента, в России же – от десяти. Учитывая суммы, названные Джоном Горбински, необлагаемая налогом

прибыль может составлять от двадцати до пятидесяти, а то и больше тысяч долларов за одну сделку.

Даже по западным меркам неплохие деньги! Тем более что стоило Эрику указать Бронштейну на дверь, скорее всего с ним не стали бы сотрудничать и другие торговцы недвижимостью.

Мог ли Бронштейн пойти в этом случае на убийство? Ответ напрашивался сам собой, тем более что у Бронштейна остались здесь знакомые, которые могли вывести его на киллера.

У Дроздова видимых причин желать смерти Эрика не было, хотя и его нельзя сбрасывать со счетов. Может, стоит прослушать его квартиру? «Жучков» установить недолго, и аппаратура необходимая у меня есть.

Жена Эрика. Получается, что даже отец не знает, что они были женаты. К чему такая скрытность? Или старший Горбински знает, но скрыл это от меня? В любом случае следует ознакомиться с завещанием Эрика и брачным контрактом.

Отец сам сказал, что с финансовой точки зрения ему выгодна смерть Эрика. В этом случае они с Бронштейном делят его долю в фирме. Но он все-таки отец! И притом дела у них идут в гору. Или нет? Надо бы выяснить экономическое состояние их фирмы.

Почему же все-таки этот гад не сказал мне, что он женат? Звонил! Приглашал в Париж! У меня даже виза в Америку открыта. Может быть, собирался разводиться? Разводиться? Так, погоди, а что в этом случае потеряла бы жена? Черт! Опять-таки это я могу узнать только из брачного контракта или от адвоката Эрика.

Но, может быть, разгадка здесь, в России? Дерьмо! Слишком много вопросов. Шесть часов. Ну уж на один, самый главный вопрос – кто? – я получу сейчас ответ, а после можно будет доискаться и до причины.

Я поудобнее устроилась в кресле рядом с телефоном и набрала номер Королева. Один гудок, второй, третий... Только после седьмого трубка коротко отозвалась:

– Да.

– Лев Семенович, это Иванова.

– А, Татьяна. – Король назвал меня по имени, и это показалось мне нехорошим знаком. – Понимаешь, накладка вышла.

– Что случилось, Лев Семенович? – с тревогой спросила я.

– Да, в общем-то, обычное дело, но помочь я тебе не смогу.

– Вы можете объяснить? – Я хваталась за соломинку, как утопающий, хотя уже поняла, что дальнейшие расспросы ни к чему не приведут.

– Наш друг откинулся.

– Ему помогли? – уже по инерции продолжала я расспрашивать Короля.

– Да нет, водкой траванулся, – Король закашлялся, – лень ему было до магазина добежать, взял в шинке в частном секторе.

– А гостей у него не было?

– Нет, он ни с кем не общался, только по работе. А этой водкой еще несколько человек отравилось, только их откачать успели, потому как пили они в компании и успели вызвать «Скорую». – Король помолчал. – В общем, случайность.

– Не очень-то я верю в случайности. – Я почти грубила ему, но он не обратил на это внимания.

– Как хочешь, девушка, только больше я ничего тебе сказать не могу, – подытожил он.

– Спасибо за хлопоты, – уныло протянула я.

– Будут проблемы – обращайся, – намекнул Король на то, что все еще остается моим должником, и, не прощаясь, положил трубку.

Я еще минут пять оставалась в кресле с телефонной трубкой в руках, потом достала черный бархатный мешочек с тремя магическими двенадцатигранными костями, с помощью кото-

рых можно предсказывать судьбу и получать советы в трудных ситуациях, которыми изобилует наша жизнь.

На каждой грани додекаэдра выгравировано число, нужно лишь правильно и четко сформулировать вопрос и, сконцентрировавшись на нем, метнуть кости. Каждой комбинации соответствовало вполне определенное значение. Их множество, и часть мне знакома и хранится в моей феноменальной памяти.

Судя по всему, поиски убийцы Эрика в России ни к чему не приведут. Я почти приняла решение ехать в Штаты, но никогда не помешает посоветоваться с додекаэдрами.

Я прикинула, как мне лучше задать вопрос, и остановилась на следующей формулировке: «Следует ли мне и дальше продолжать поиски на моей многострадальной родине?»

Кидая кости, я максимально сконцентрировалась на вопросе. Выпала следующая комбинация: $13 + 3 + 25$, что соответствовало мудрому речению – «Вы понапрасну растрчиваете свое время и силы».

Что ж, ответ, достаточно конкретный, лишь подтвердил мое намерение. Однако меня обуревало желание получить прямое указание, нечто из ряда вон выходящее, что могло буквально толкнуть меня в спину...

Собрав кости в горсть, я тщательно перемешала их и вновь метнула, думая о том, не стоит ли мне отправиться на поиски разгадки за границу?

Выпала следующая комбинация: $13 + 2 + 25$ – «В поисках счастья вам предстоит отправиться в необычное путешествие». Самый последний дурак не испытал бы никаких трудностей, расшифровывая это послание.

«Счастье» в моем случае означает успех предприятия, а что касается прилагательного «необычное», то оно, может быть, и лишнее, хотя я не берусь прекословить костям. Практически любое путешествие по-своему экстраординарно, тем более путешествие за границу. Люди издавна скитались по белу свету, одни – в поисках приключений, другие – стремясь разбогатеть, третьи хотели расширить таким образом свой горизонт и углубить познания, четвертые горели жаждой завоеваний.

Финикийцы, древние греки, викинги, португальцы, испанцы, голландцы...

Вот только не знаю, так ли уж необычны путешествия в общественном транспорте, хотя и в этом случае при определенном стечении обстоятельств можно испытать и своеобразный кайф, и, как сказал один поэт, полет адреналина – страх.

Глава 3

Тарасов

18 мая

19 час 10 мин

Время, время, время...

Оно то летит стрелой, то тянется, как жвачка. Именно такой несносной жвачкой казались мне сейчас часы и минуты, остававшиеся до рейса на Москву. Жажда действия, бродившая во мне, как молодое вино в кувшине, забурлила с неистовой силой. Я взглянула в зеркало – нетерпеливый ребенок! Брови сдвинуты, губы капризно надуты, в глазах – огонь. Мне было безразлично, на какой срок я застряну в столице, удастся ли мне сразу взять билет на Нью-Йорк, сколько сил и нервов потребует от меня ожидание американского рейса. Я просто не могла оставаться на месте. Лихорадочно проглотив мясо «по-монастырски», я кинулась к телефону.

– Добрый вечер, – поздоровалась я с Сан Санычем.

– А, Танюша, – сразу узнал он меня, – как ты?

– Ничего, немного успокоилась, приступила к расследованию.

– Да, дело запутанное, – сочувственно произнес он, – я тебя даже не спрашиваю, что тебе удалось выяснить.

– И правильно делаете, – в тон ему ответила я, – скажу только, что похвастаться пока нечем.

– Быстро только кошки родятся, – отважился пошутить он. – Танюш, может, я не к месту, но ты все-таки не отказывайся от денег, мы с Джоном все обсудили, он даже выразил желание сам приехать к тебе, ты его буквально на минуту опередила со звонком.

– С деньгами после. Я, собственно, звоню потому, что сама хотела переговорить с Джоном, но не насчет денег, просто мне нужна от него кое-какая информация...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.